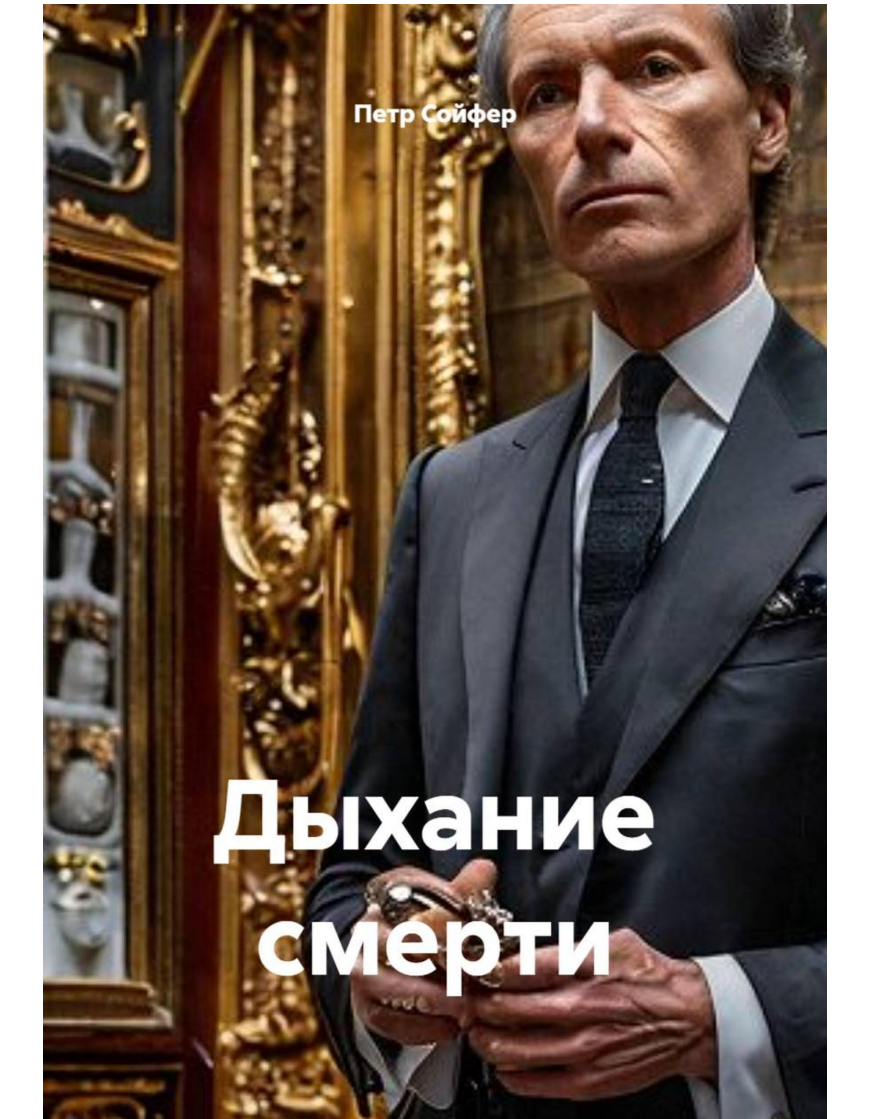

A full-page photograph of a middle-aged man with grey hair, wearing a dark grey suit, white shirt, and dark tie. He is looking upwards and to the left with a serious expression. He holds a small, ornate, metallic object in his hands. The background is a highly decorative room with gold-colored wall panels and carvings.

Петр Сойфер

Дыхание смерти

Петр Сойфер

Дыхание смерти

<https://litres.ru/74353973>

SelfPub; 2026

Аннотация

Париж. Элитный похоронный дом «Maison Vernier» — святилище богатейших семей Европы, где покупают не гроб, а вечное молчание о неудобной правде. Когда его глава бесследно исчезает за два дня до открытия закрытой выставки танатоэстетики, комиссар Мишель Леблан обращается к Симоне Вассер — женщине, умеющей читать то, что скрыто за лицами и вещами.

Среди восковых шедевров вернисажа Симона замечает то, чего не видит никто: складку на смокинге, форму ногтя, едва уловимую асимметрию — детали, которые не может придумать ни один скульптор. За фасадом искусства бальзамирования проступает нечто гораздо более страшное.

Расследование заведёт её в мир, где тело — последний текст человека, а подделать можно почерк, но не вкус, и туда, где архив из тысяч чужих смертей стоит дороже одной конкретной жизни.

Новая новелла из цикла «Деконструкция Симоны Вассер» — о том, что правду невозможно ни забальзамировать, ни загримирывать.

Петр Сойфер

Дыхание смерти

Доктор Пётр Сойфер

ПРОЛОГ. Архитектура параллельной реальности

Человечество никогда не умело мириться с окончательностью смерти. Все великие цивилизации прошлого искали способ обмануть время, но именно жрецы Древнего Египта возвели создание «параллельной реальности» в ранг высшей государственной геометрии.

Для египтянина сохранение плоти не было данью скорби — это был сугубо практический вопрос перехода. Они верили, что человеческая душа состоит из нескольких элементов: Ба, птица с головой человека, улетающая в небеса, и Ка, двойник, жизненная сила. Чтобы Ка имела возможность вернуться и узнать свое земное пристанище, тело нужно было превратить в неразрушимую обитель. Семьдесят дней таинства. Извлечение органов в каноны. Вымачивание в сухой натровой соли. Пропитка смолами мирры, кедра и ладана. Сотни метров льняного полотна. Египетская мумия была не трупом — она была билетом в иную форму существования, гарантом того, что бытие не прервется, а лишь изменит систему координат.

Спустя три с половиной тысячи лет Египет сменился Парижем, а жрецы Анубиса уступили место владельцам элитных танатопрактических ателье.

Суть осталась прежней: стремление выстроить иллюзию пространства, где физический финал — это лишь другая форма присутствия.

Современный мир элитных ритуальных услуг — замкнутая, закрытая реальность, живущая по своим особым, непостижимым для внешнего наблюдателя законам. Здесь создается особый мир «жизни после смерти», где граница между бытием и небытием ретушируется с безупречным изяществом.

Танатопрактика высшей категории — не ремесло, а создание идеального макета человека. Мастера используют тончайшие филлеры, формальдегидные структуры последнего поколения и пигменты, имитирующие капиллярный кровоток при искусственном освещении. Их задача — сделать так, чтобы на закрытом прощании в особняке на бульваре Сен-Жермен у близких возникало ощущение, будто покойный не умер, а просто перешел в иное, застывшее, но всё ещё узнаваемое измерение.

Это параллельная реальность, где время останавливается по желанию заказчика.

Но у этой искусственной реальности есть своя жесткая архитектура. Владельцы таких агентств хранят ключи от самых темных коридоров этого мира теней. Они знают об истин-

ных причинах смертей, о скрытых завещаниях и нелицеприятных тайнах, которые уходящие пытались забрать с собой.

Именно поэтому любое нарушение канона в этой системе, любой стилистический сбой или исчезновение ключевой фигуры воспринимаются не просто как происшествие, а как прорыв ткани того самого параллельного мира, где смерть долго и успешно выдавала себя за вечный покой.

ГЛАВА 1. Исчезновение на Сен-Жермен

Дождь над бульваром Сен-Жермен шёл третий час подряд, ровный и мелкий, без порывов ветра — парижский дождь, который не столько падает, сколько оседает, покрывая камень тонкой блестящей плёнкой. Комиссар Мишель Леблан стоял у витрины дома номер сорок два, глядя сквозь тёмное стекло на пустой зал приёмной. На двери из мореного дуба висела латунная табличка: «Maison Vernier. Depuis 1897». Ниже, мелким шрифтом — «По записи».

Записи на сегодня не было. Был только рапорт от консьержки соседнего дома, заметившей, что свет в кабинете на втором этаже горит вторые сутки, а машина месье Вернье так и не покинула подземный гараж.

Леблан толкнул дверь. Она поддалась легко — заперта не была.

Внутри пахло лилиями, воском и чем-то ещё, тонким и химическим, к чему комиссар за двадцать лет службы так

и не подобрал названия. Приёмная была безупречна: кресла цвета слоновой кости, латунные светильники, приглушённые до полумрака, фотографии в рамках — не покойных, а самого здания, снятого в разные десятилетия. На столе секретаря лежал раскрытый ежедневник. Последняя запись датировалась позавчерашним днём: «17:00 — Ж.-Б. В., подготовка к Салону. Личный кабинет».

После этого — ничего. Ни отмены, ни переноса, ни единой строки.

Кабинет Жан-Батиста Вернье оказался заперт изнутри. Слесарь возился с замком почти двадцать минут — старинная работа, немецкая сталь начала века, — и, когда дверь наконец поддалась, за ней обнаружился порядок настолько идеальный, что сам по себе стал уликой. Ни одна бумага не лежала криво. Пресс-папье стояло точно по центру бювара. Единственное отклонение — опрокинутый флакон с воском для укладки волос, чьё содержимое засохло на столешнице ровным коричневым пятном.

Вернье не было. Не было и следов борьбы, крови, взлома. Человек, управлявший самым закрытым похоронным домом Парижа, исчез так же безупречно, как исчезали из его архива неудобные факты о смерти клиентов.

— Сорок восемь часов, — сказал Леблан своему помощнику, инспектору Ронсару, спускаясь по узкой служебной лестнице в подвал, где размещались рабочие залы ателье. — Ровно столько остаётся до открытия Салона. Вернье лично

курировал экспозицию все семь месяцев подготовки. И вот — тишина.

— Похищение? — спросил Ронсар.

— Или бегство. У человека вроде Вернье могло накопиться достаточно причин для того и другого. — Леблан остановился перед дверью бальзамировочной, из-под которой пробивалась полоска яркого, почти операционного света. — Знаешь, что хранится в его архиве, Ронсар? Настоящие причины смерти половины богатейших фамилий Европы за последние двадцать лет. Кто на самом деле умер от передозировки, а не от «острой сердечной недостаточности». Чьё тело носило следы побоев, которые никто не должен был увидеть. Такой архив стоит дороже, чем всё это здание вместе с клиентурой.

Он толкнул дверь бальзамировочной. Внутри было пусто, стерильно, инструменты разложены по хирургическому протоколу. Никаких признаков того, что здесь произошло что-то нештатное.

Именно эта абсолютная упорядоченность и не давала Леблану покоя весь обратный путь в префектуру. Похищение оставляет хаос. Бегство оставляет спешку. А здесь — только идеальная, вылизанная пустота, будто кто-то тщательно убрал за собой не только тело, но и саму возможность беспорядка.

* * *

Симона Вассер снимала фотографии книжных полок для

каталога частной библиотеки, когда телефон завибрировал третий раз за десять минут. Она отложила камеру и наконец ответила.

— Леблан. Что-то серьёзное, раз вы звоните, а не пишете.

— Мне нужны ваши глаза, Симона. Не сейчас — завтра вечером. — В голосе комиссара звучала та особая сухость, которая появлялась у него всякий раз, когда дело касалось не улики, а людей определённого сорта — тех, для кого закон был всего лишь вопросом цены адвоката. — Послезавтра открывается закрытый международный Салон танатоэстетики. «Salon de la Dernière Demeure». Слышали о таком мире?

— Элитные похороны как искусство? Слышала. Никогда не думала, что вас туда пригласят.

— Меня — нет. Меня туда впустят как приложение к вам. — Леблан коротко объяснил ситуацию: исчезновение Жан-Батиста Вернье, идеальный порядок в кабинете, архив, стоящий состояния, сорок восемь часов до открытия выставки, которую покойный — назовём вещи своими именами, пока рано — курировал лично. — Официально расследование только начато. Пресса ничего не знает. Но мне нужен кто-то, кто умеет читать людей этого круга — вдовствующих аристократов, конкурентов Вернье, весь этот бомонд похоронного бизнеса. Я вижу лица. Вы видите то, что за ними.

Симона помолчала, глядя в окно на мокрую крышу соседнего дома.

— Мир, где торгуют конфиденциальностью чужой смер-

ти, обычно очень хорошо умеет прятать собственные проблемы, Мишель. Если Вернье действительно похитили из-за архива, убийца — или тот, кто его удерживает, — сейчас должен изображать абсолютное спокойствие где-то очень близко от вас.

— Именно поэтому я хочу, чтобы вы были в зале, когда откроются двери Салона. Приходите. Наденьте что-нибудь тёмное — там любят траурную эстетику даже на радостях.

— Мишель. — Симона улыбнулась одними губами, хотя собеседник не мог этого видеть. — Я всегда ношу тёмное.

* * *

Салон открывался в подвальных залах особняка на улице Варенн — здания, сто лет назад принадлежавшего банкирской семье, а теперь сдававшегося под закрытые мероприятия тем, кто предпочитал, чтобы их гости оставались невидимы для остального Парижа. Симона стояла у входа, разглядывая список приглашённых, заранее присланный ей Лебланом. Полторы сотни имён — владельцы похоронных домов со всей Европы, историки костюма, парфюмеры, специализирующиеся на «ароматах прощания», и несколько журналистов узкоспециализированных изданий, допущенных под строгую подписку о неразглашении.

Среди приглашённых значилось и имя Поля Дюрана — су-шефа ателье «Maison Vernier», тридцати четырёх лет, за последние три года трижды упомянутого в профессиональной прессе как «наследник философии Вернье». Симона от-

метила его фамилию в памяти и сложила список.

Дождь за окном не прекращался. Где-то в городе, в комнате без окон или в подвале собственного дома, Жан-Батист Вернье — если он ещё был жив — либо ждал спасения, либо уже стал частью той самой параллельной реальности, архитектором которой был сам.

Симона поправила воротник пальто и вошла в особняк, туда, где приглушённый свет, запах лилий и формалина обещали ей завтра нечто гораздо более странное, чем обычное убийство.

ГЛАВА 2. Экспонат № 4

Подвальные залы особняка на улице Варенн были перестроены под выставку с той продуманной роскошью, что маскирует любую вульгарность под сдержанность. Свод из тёмного камня, оставшийся ещё от банкирских погребов, теперь подсвечивался снизу мягким янтарным светом, отчего потолок казался куполом старинного склепа. Пахло лилиями, пчелиным воском и — едва уловимо, под всем этим — формалином, той самой химической нотой, которую парфюмеры Салона предпочитали называть «ароматом покоя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.